

На правах рукописи

Подопригора Василий Вячеславович

**СТРУКТУРА СЮЖЕТИКИ И ЖАНР ЛЕТОПИСИ ВОЛЫНСКИХ
МОНОМАХОВИЧЕЙ XIII ВЕКА**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2018

Работа выполнена на кафедре древних литератур и литературного источниковедения ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Дергачева-Скоп Елена Ивановна

Официальные оппоненты: **Дергачева Ирина Владимировна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»,
профессор кафедры «Лингводидактика и
межкультурные коммуникации»

Полетаева Елена Альбертовна,
кандидат филологических наук,
ФГБУН Центральная научная библиотека
Уральского отделения Российской
Академии наук (г. Екатеринбург),
научный сотрудник Отдела научно-
исследовательской работы

Ведущая организация: **ФГБУН Институт филологии Сибирского
отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск**

Защита состоится «15» февраля 2018 года в 11-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=274635>

Автореферат разослан « » декабря 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы и степень её изученности. Проблема структуры сюжеттики Летописи волинских Мономаховичей XIII в. (далее – *ЛвМ*)¹ и вопросы специфики её жанра как авторского концептуального единства не летописного, а меморатного характера ставятся впервые.

ЛвМ, сохранившаяся в составе южнорусского летописного свода конца XIII в.², представляет уникальное явление среди исторических сочинений этого периода как по объёму и особенностям сообщаемых сведений, так и по тому литературному и поэтическому характеру, на который неоднократно обращали внимание её исследователи. Однако, несмотря на своеобразие памятника и его изолированное положение в генеалогии русского летописания в исследованиях XIX – начала XXI в., *ЛвМ* практически не осознавалась как целостный текст³, отличающийся по своей жанровой специфике от основных линий летописания. Практически все исследования оценивали её как компиляцию различных по времени и происхождению протографов, структурирующих так называемую в исследовательской традиции Галицко-волинскую летопись.

Развивающееся сейчас изучение памятников старшего летописания как целостных литературных произведений⁴ даёт конкретные примеры то-

¹ Мы сохраняем за памятником название «летопись», поскольку даже не основанное на погодной сетке повествование за счёт появляющейся в нём хронологии всегда приобретает «внутреннюю форму рассказа летописного» – *Дергачева-Скоп Е. И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. С. 94.

² Южнорусский свод конца XIII в., в составе которого выделяются три компонента – ПВЛ, Киевский свод игумена Моисея и *ЛвМ*, – представлен двумя старшими списками: Ипатьевским первой четверти XV в. (БАН, 16.4.4) и Хлебниковским второй половины XVI в. (РНБ, F.IV.230). Описание списков см.: *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001. С. Е–N. Далее мы используем их сокращенные наименования (*Ип* и *Хл* соответственно).

³ Однако ещё в XIX в. высказывались отдельные соображения о целостности *ЛвМ*. Так, К. Н. Бестужев-Рюмин признавал за её создателем претензии «на целостность и некоторый так сказать прагматизм» и понимал, что он «имел в виду нечто более стройное, чем простая погодная летопись» – *Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 151, 157. В. С. Иконников отмечал, что «эта летопись состоит не из сухих, отрывочных, погодных записей разнообразных событий; а имеет характер цельного произведения». – *Иконников В. С.* Опыт русской историографии: В 2-х т., в 4-х книгах. Т. 2. Кн. 1: Репр. изд. 1891–1908 гг. СПб., 2007. С. 586.

⁴ Укажем здесь, прежде всего, диссертацию В. А. Мельничук, посвященную поэтике свода игумена Моисея как авторского концептуального произведения – *Мельничук В. А.*

го, как фактор авторского начала сказывается на формировании концепции летописного произведения и способах цитирования его литературных источников⁵. Интерпретация уникальных чтений сводов, целостность которых доказана (или даже предполагается исследователем), в перспективе их авторской телеологии приводит к выводам, что их авторы стремились придать концептуальное единство истории всего княжеского рода, а не только лишь отдельного княжения. Поэтому перспективным представляется исследование *ЛвМ* как единого текста.

После открытия Н. М. Карамзиным двух старших списков свода и появления первых исследований истории южнорусского летописания XII–XIII вв. в науке разрабатывались преимущественно проблемы состава источников его третьей, галицко-волинской, части, реконструкции их границ и установления этапов редактирования. В работах исследователей XX – начала XXI в. (М. Д. Приселкова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, А. И. Генсёрского, И. П. Еремина, В. К. Романова, А. Н. Ужанкова, Н. Ф. Котляра, П. П. Толочко и др.) был с различной степенью доказательности установлен круг вероятных протографов *ЛвМ*, обозначены редакционные слои. В трудах этих и других исследователей были сделаны попытки выяснения исторического и культурного контекста, определившего появление источников повествования, а также высказаны предположения об их авторстве.

Долгое время *ЛвМ* рассматривалась в ряду прочих официальных княжеских летописцев – источников южнорусского свода. Этому способствовало и обращение первых её исследователей и издателей к тексту более раннего *Ип*, где *ЛвМ* была придана летописная форма⁶. Изучение памятника проводилось методами исторического источниковедения (см. ра-

Киевская великокняжеская летопись XII века: образно-повествовательная структура свода игумена Моисея: автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.

⁵ Еще А. А. Шахматов, подчеркивая авторский характер летописных памятников, отмечал, что их исследование «должно начинаться с определения личности составителя свода (времени, места, обстоятельств, при которых он работал)» – *Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова: «Обозрение русских летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 108 (Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. Т. 4, № 2).*

⁶ Список *Ип* был положен в основу первых изданий южнорусского свода: ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1843 г.; Летопись по Ипатскому списку. Издание Археологической комиссии. СПб., 1871; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908; а также отдельного издания его третьей части: *Петрушевич А. С. Волинско-Галицкая летопись, составленная с концем XIII века (1205–1292). Львов, 1871.*

боты историков М. Д. Приселкова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, Н. Ф. Котляра и др.), а его источники и редакционные слои получали интерпретацию только в сфере той или иной политической ситуации XIII в. Такой подход вполне справедлив либо на уровне текста всего южнорусского свода конца XIII в., либо – его гипотетических источников (среди которых, действительно, были документы и официальные летописцы различных центров), однако не вполне соответствует характеру самого памятника (*ЛвМ*).

Преобладание интереса к отдельным фрагментам галицко-волынского слоя южнорусского свода привело к тому, что прочтение *ЛвМ* как целостного и уникального в жанровом отношении повествования так и не стало исследовательской задачей. Несмотря на выраженный авторский характер *ЛвМ*, проблемы её жанрового и концептуального своеобразия, заданного авторской интенцией и позиционируемого самим её создателем, не получили специальной разработки.

Разделение *ЛвМ* на «галицкую» и «волынскую» части с середины XIX в. прочно утвердилось в традиции его изучения. Многие работы, посвященные так называемому «Летописцу Даниила Галицкого», составляющему оказавшуюся более популярной у исследователей первую часть памятника, зачастую оставляли без внимания его связи с тем слоем, который традиционно считается «волынским».

Проблема жанровой специфики *ЛвМ* также разрабатывалась на уровне её отдельных протографов, которые как весьма своеобразные литературные памятники были рассмотрены в трудах Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, А. Н. Ужанкова, а также зарубежных исследователей (М. Font, J. Komendová).

На данном этапе после проделанной историками летописания детальной реконструкции источников мы перешли к интерпретации *ЛвМ* как единого повествования. Первостепенное значение имеет обращение к интерпретации текста в аспекте его *целостности* (обеспечиваемой авторской телеологией), а не только на уровне *фрагментов*. Иными словами, мы применили при анализе текста подход, в большей степени направленный на интеграцию, а не стратификацию различных его уровней.

При описании памятника средневековой исторической прозы как сюжетного повествования нами учитываются различные компоненты, участвующие в структурировании его сюжета: традиционная жанровая топика, «общие места», цитаты из различных источников (летописцев, исторических повестей, переводной хронографии, внелетописных памятников,

например, жанров торжественного красноречия) и т. д. Поэтому при подходе к средневековому историческому повествованию мы обращаемся к понятию «сюжетики», которое используется нами не в теоретическом (как «система сюжетов произведения»⁷ или «национальная матрица сюжетов»), а в практическом аспекте: как появляющееся в летописном по своему генезису повествовании качество «сюжетности».

Источниковой базой нашего исследования стала третья часть южнорусского летописного свода конца XIII в. – Летопись волыньских Мономаховичей (*ЛвМ*), изучаемая, прежде всего, по списку *Хл* (вторая половина XVI в.). В ходе исследования мы также обращались к списку *Ип* (первая четверть XV в.), сводам, представляющим как близкие, так и иные летописные традиции (Лаврентьевская, Новгородская I, Густынская летописи), а также к текстам всемирно-исторических сочинений (древнерусский перевод «Хроники» Иоанна Малалы, Тихонравовский хронограф XVI в. и др.).

Объект исследования – Летопись волыньских Мономаховичей XIII в. (*ЛвМ*) в составе южнорусского летописного свода конца XIII в.

Предмет исследования – авторские способы структурирования сюжета и жанра Летописи волыньских Мономаховичей XIII в. (*ЛвМ*) как целостного литературного произведения.

Ярко выраженный литературный характер памятника и его жанровая уникальность, обусловившая своеобразие его временной структуры и способов обработки источников, может получить объяснение только в ходе прочтения *ЛвМ* как авторского исторического повествования. Этим обусловлена **основная цель диссертационной работы** – исследование жанровой и сюжетной структуры *ЛвМ* в перспективе авторской телеологии.

Поставленной цели соответствует решение **ряда задач**:

выявить в *ЛвМ* авторский характер модификаций традиционных стилистических компонентов, участвующих в структурировании её жанра (топика летописно-исторического повествования);

уточнить характер форматирования протооригинала *ЛвМ* в обоих старших списках южнорусского свода;

показать специфику временной структуры и способов цитирования протографов *ЛвМ* на основе списка *Хл* в связи с её жанровым своеобразием;

объяснить жанровую уникальность *ЛвМ* в её обусловленности авторской телеологией;

⁷ «Древнерусское произведение может включать не один, а несколько сюжетов, связанных фабульно или тематически» – *Силантьев И. В.* Сюжет как фактор жанрообразования в средневековой русской литературе. Новосибирск, 1996. С. 9.

рассмотреть выводы исследований XIX–XXI вв., касающихся различных аспектов изучения памятника, в связи с длительной и сложной историей его изучения.

Методологическая и теоретическая база исследования. В соответствии с заявленной целью нами избран системный подход, в рамках которого использованы следующие методы: 1) структурно-типологический метод, направленный на выявление в повествовании топики летописно-исторического повествования; 2) герменевтический метод, обеспечивающий необходимую интерпретацию различных уровней текста; 3) историко-литературный метод, устанавливающий связь предложенных интерпретаций с тенденциями литературного процесса.

Описание сюжетности средневекового повествования (в её неразрывной связи с жанром) как многокомпонентного единства было обеспечено обращением к исследованиям жанрово-стилистической топики древнерусской литературы (работы А. С. Орлова, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, Т. Р. Руди и др.).

Подход к историческому повествованию как авторскому литературному сочинению позволил подтвердить, что элементы различных традиционных летописных стилей, отчужденных от жанра-протографа, становятся здесь авторскими и в соответствующем контексте могут формировать не только иной жанр, но и обеспечить новое концептуальное единство (см. работы Е. И. Дергачевой-Скоп) ⁸.

Научная новизна диссертации.

В результате исследования впервые:

– *ЛвМ* по списку *Хл* избрана в качестве основного текста для выявления авторской телеологии, определившей её жанровое своеобразие;

⁸ См., например: *Дергачева-Скоп Е. И.* Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1971. С. 48–70; Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 2 // Проблемы литературы Сибири XVII–XX вв. (материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1974. С. 5–23; Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 1. С. 3–12; Древнерусский четий сборник как жанровая система (канон и творческие модификации) // Письменное наследие и информационные технологии. E1' Manuscript-2015. Материалы Международ. науч. шк. (Новосибирск, Академгородок, 10–28 ноября 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 61–63.

– на материале *ЛвМ*, рассмотренной как целостное произведение, поставлена проблема авторских способов структурирования сюжета при формировании жанра средневекового исторического повествования;

– предложена интерпретация авторской концепции жанра памятника, через что получает объяснение своеобразие временной структуры и способы цитирования источников в *ЛвМ* как повествовании меморатного типа.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации на конкретном материале *ЛвМ* обосновываются теоретические принципы изучения форм фиксации исторической памяти в жанрах литературы Средневековой Руси, которые тем самым включаются в построение истории русской литературы. Диссертационное исследование продолжает разработку проблем выявления авторской телеологии в структурировании сюжетики исторического повествования как многокомпонентного единства.

Практическая значимость исследования. Материалы и результаты диссертации могут быть использованы при научном изучении древнерусского летописания и истории жанров средневековых литератур, в разработках к курсам «История древнерусской литературы», для подготовки спецкурсов по источниковедению русской литературы. Используемые в исследовании методы могут быть применены при научном изучении памятников раннего древнерусского летописания.

Степень достоверности исследования определяется как привлечением достаточного числа источников, среди которых представлены летописные своды XV–XVII вв. и памятники всемирно-исторической хронографии, так и внимательным учетом текстуальных и кодикологических особенностей двух главных списков южнорусского свода конца XIII в.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в форме докладов и сообщений на заседаниях Кафедры древних литератур и литературного источниковедения Гуманитарного факультета ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», а также на международных и всероссийских конференциях, в том числе: на 49 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 16–20 апреля 2011 г.); Всероссийской научной конференции «Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени» (4–8 июня 2012 г.); конференции «Рубежи филологии», посвященной 50-летию Гуманитарного факультета НГУ (Новосибирск, 5 октября 2012 г.); 50 юбилейной Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-

технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 13–19 апреля 2012 г.); 51 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 12–18 апреля 2013 г.); 52 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, Новосибирск, 11–18 апреля 2014 г.); IV Международной научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.); 54 Международной научной студенческой конференции (НГУ, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г.); XII Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (Екатеринбург, 13–14 октября 2016 г.); III Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященной памяти академика РАН Н. Н. Покровского (Новосибирск, 13–14 октября 2017 г.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Летопись волынских Мономаховичей (*ЛвМ*) в составе южно-русского свода конца XIII в. представляет собой целостное литературное произведение, жанровая уникальность которого обусловлена определенной авторской телеологией, связанной с меморатной основой памятника.

2. Привлечение текста *ЛвМ* по Хлебниковскому списку (XVI в.) оказывается продуктивным не только для выявления авторской телеологии, определившей специфику временной структуры повествования, его жанровое и концептуальное своеобразие, но и для установления исторической личности автора.

3. Выбор жанровой формы произведения может быть объяснен историко-литературной интерпретацией авторской декларации о причастности *ЛвМ* к традициям классической раннехристианской хронистики, в первую очередь к наследию Евсевия Кесарийского.

4. Автором всей *ЛвМ* был книжник, работавший в последних десятилетиях XIII в. и длительное время находившийся при князе Владимире Васильковиче. Он создавал свое повествование для Мстислава Даниловича – одного из младших сыновей Даниила Романовича и преемника своего двоюродного брата, Владимира Васильковича, на владимири-волынском столе, в связи с чем в сюжетной структуре повествования и характеристиках героев была особо акцентирована тема княжеского «братолюбия». В диссертации предложена новая гипотеза о личности автора, позволяющая говорить о нём как о выходеце из Зимненского Святогорского (Печерского) монастыря.

Структура диссертации. В соответствии с целями и задачами исследования работа состоит из Введения, трёх глав, заключения, списка сокращений, списка источников и использованной литературы, включающего 189 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, рассмотрена степень её изученности, определены цели и задачи, объект и предмет, представлены методологическая и теоретическая база исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, степень достоверности результатов, апробации, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1 «Галицко-волынское историческое повествование в составе южнорусского летописного свода конца XIII в.: актуальные проблемы исследования»** изложены итоги исследований галицко-волынского источника южнорусского свода и обосновывается необходимость изучения именно авторского структурирования повествования *ЛвМ*. Глава состоит из двух разделов, где последовательно освещаются направления исследования памятника в XIX – первой половине XX в. и во второй половине XX – начале XXI в.

На начальных этапах изучения состава и генеалогии летописных сводов (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков) галицко-волынское повествование рассматривалось среди источников южнорусского свода конца XIII в., известного как «Ипатьевская летопись». Его галицко-волынский источник описывался как целостный свод, охватывавший известия местной тематики за XII–XIII вв. и отразившийся в протографе *Ин-Хл* в компиляции с летописцами других центров.

М. Д. Приселков предполагал непрерывное развитие летописания в Юго-Западной Руси, доказывая его наличием следов «галицко-волыньских» известий в ПВЛ и Киевском своде. Сложение окончательной редакции оригинала *Ин-Хл* было вызвано обострившимся в конце XIII в. соперничеством Галича и Владимира-на-Клязьме за первенство в Русской митрополии. С составителем этой редакции свода – книжником из окружения князя Юрия Львовича – исследователь связывал и включение галицко-волынского источника в его состав.

Однако уже в работах Приселкова галицко-волынское повествование XIII в. осознаётся оригинальной традицией, отличной от других линий летописания.

Независимость *ЛвМ* от официального летописания Галича подтвердили выводы А. С. Орлова о составлении в Юго-Западной Руси между 1214 и 1219 г. «Летописца русских царей» на основе ПВЛ⁹.

Объектом специального источниковедческого изучения третья часть южнорусского свода становится с выходом статьи Л. В. Черепнина¹⁰, положившей начало разработке проблем состава её протографов и редакционных слоёв. Черепниным в качестве одного из таких источников был выделен «Летописец Даниила Галицкого», в свою очередь, рассмотренный в его статье как компиляция различных протографов.

Проблемы реконструкции источников *ЛвМ* на долгое время определили дальнейшие направления её изучения (от М. С. Грушевского до П. П. Толочко).

В стилистическом и историко-литературном аспекте также привлекались к исследованию лишь отдельные гипотетические источники *ЛвМ* (исследования Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, А. Н. Ужанкова, А. А. Пауткина). Наибольший интерес вызвал именно «Летописец Даниила Галицкого». В работах Д. С. Лихачева¹¹ и А. Н. Ужанкова¹², основывавшихся на гипотезе Черепнина, предположившего княжеское происхождение «Летописца», последний был рассмотрен как пример особого жанра. Оба исследователя увидели в памятнике пример *светского княжеского жизнеописания*, которое однако, по их мнению, осталось незавершённым. В названных работах также была развита гипотеза о причастности к созданию одной из редакций «Летописца» Киевского митрополита Кирилла II (1242–1281) либо как его заказчика (Лихачев), либо как автора (Ужанков).

И. П. Ереминым как целостный литературный памятник был проанализирован текст, традиционно считающийся продолжением «Летописца», – так называемая «Волынская летопись» 1289–1290 гг.¹³

При господстве традиционных подходов к памятнику как *официальному летописному своду* работа автора-составителя *ЛвМ* зачастую получа-

⁹ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 31–32.

¹⁰ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. № 12. С. 228–253.

¹¹ Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 36–56.

¹² Ужанков А. И. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 247–283.

¹³ Еремин И. П. Волынская летопись 1289–1290 гг. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 102–117.

ла в работах историков-источниковедов невысокую оценку, а сами способы создания повествования из отдельных источников зачастую трактовались ими как неудачные ¹⁴.

Глава 2 «Традиционные элементы жанровой и сюжетной структуры Летописи волынских Мономаховичей» состоит из двух разделов: «*Жанровая топика летописно-исторического повествования в Летописи волынских Мономаховичей и её авторские модификации*» и «*Историко-литературная интерпретация авторской декларации в Летописи волынских Мономаховичей*». В главе выявляется летописно-историческая топика в *ЛвМ*, которая, будучи связана с традицией, обретает в повествовании индивидуальное, авторское выражение. Также здесь рассмотрены вопросы воздействия на *ЛвМ* всемирно-исторической хронографии. Их решение позволяет не только описать жанровое своеобразие памятника в типологическом плане, но и приблизиться к его авторскому пониманию.

Как представляется, при определении содержания понятия «литературная топика» важны сильные системные связи топоса с определенной целостной парадигмой (религиозной, культурной, жанровой, концептуальной и т. д.). В этом смысле прочитывается нами отличие «топоса» от «общего места», парадигматические связи которого значительно ослаблены.

Литературный *топос*, определяемый нами как «*начало истории*» – ретроспективный экскурс в удалённое от памяти летописца прошлое, – мы рассматриваем как один из наиболее устойчивых элементов летописно-исторического повествования. В *ЛвМ* топос «*начала истории*» выявляется в её экспозиции – похвале предкам волынских Мономаховичей и легенде о Сырчане и Отроке. Это поэтическое вступление в *ЛвМ* оказывается значимым элементом в структуре повествования, а не случайной вставкой, восполняющей лауну между двумя компонентами свода ¹⁵. Исследователями отмечалось ¹⁶ его типологическое сходство со «Словом о погибели

¹⁴ См.: *Котляр Н. Ф.* Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 35.

¹⁵ Именно так это вступление принято оценивать в исследовательской литературе. См.: *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 109; Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в русской литературе. Л., 1970. С. 42, сноска 31; *Горовенко А. В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Метиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011. С. 222–223.

¹⁶ *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 81.

Русской земли», помещённым в предисловии к Житию Александра Невского. Эта экспозиция, вне зависимости от устного или книжного источника её происхождения, определяет концептуальное содержание *ЛвМ* – обновление «передней славы» предков княжеского рода в деяниях их потомков.

Топос «начало истории» в *ЛвМ* служит для локализации событий начала династической истории – подвигов Романа Мстиславича и Владимира Мономаха в борьбе с половцами – в *легендарно-эпическом хронотопе*. Так эпическая стилизация, будучи традиционным форматом для раннего летописания, в *ЛвМ* становится авторским приёмом, направленным на формирование соответствующего восприятия истории княжеского рода.

Однако в целом приёмы эпической стилизации практически не нашли отражения в *ЛвМ*. Например, такой традиционный формат, как «*легенда об основании города*» здесь расширяется за счёт активного использования экфрасиса, что отличает его от *топонимической легенды* раннего летописания.

Следующий пласт топики исторического повествования – *топосы летописных панегириков*. Их использование автором обнаруживает неразрывную связь с основным повествованием *ЛвМ*. Так, похвала Даниилу Романовичу по своим основным позициям (сопоставление князя-храмостроителя с царём Соломоном, прославление его мудрости и братолюбия) находит соответствие с повествовательными сюжетами *ЛвМ*.

В похвале князю Владимиру Васильковичу, завершающей рассказ о его болезни и преставлении, панегирические топосы выделяются очень чётко, соблюдена их последовательность. При своей традиционности¹⁷ они выполняют важную роль в повествовании, а выявление их авторских модификаций позволяет описать концептуальный уровень *ЛвМ*.

Анализ включённых автором в схему панегирика цитат из «Слова о Законе и Благодати» Илариона в сравнении как с их источником, так и с другими похвальными словами¹⁸ выявляет их иное смысловое наполне-

¹⁷ Часть из них обнаруживает текстуальные параллели в южнорусском летописании XII в. См. *Еремин И. П.* Волынская летопись... С. 113–114; *Толочко А. П.* Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // *Palaeoslavica*. 1999. Vol. 7. P. 27.

¹⁸ «Слово» Илариона оказало воздействие на формирование житийной топики: *Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // *Русская агиография: исследования, публикации, полемика*. СПб., 2005. С. 73–78. Так, оно послужило источником цитат для похвальных слов равноапостольным князьям («Похвала Константину Муромскому»).

ние. Цитаты из «Слова» в контексте финального панегирика *ЛвМ* утрачивают свою связь со сложившейся в агиографии образной парадигмой князей-равноапостольных. Владимир Василькович прославляется здесь как благоверный правитель, следовавший при своей жизни евангельским заповедям. При этом цитаты и аналогии из «Слова» (сравнение волынских князей с Давидом и Соломоном, а «града Владимира» с Киевом и Иерусалимом и т. д.) использованы автором для наделения атрибутами святости отношений преемственности между Владимиром и Мстиславом и проведения идеи *translatio imperii* – преемства Волынским княжеством духовного наследия Киева.

Таким образом, летописно-исторические топосы в *ЛвМ*, отчужденные от жанра-протографа, отвечают авторской телеологии произведения и становятся компонентами нового концептуального единства. Легендарно-эпические и панегирические топосы, традиционные для раннего летописания, создают повествовательную рамку от начала повествования к его финалу.

В *ЛвМ*, что отличает памятник от официальных летописных сводов, отразилась авторская рефлексия над собственными творческими принципами: «Гронографу же ноужа есть писати все и вся бывшаа. <...> Число же летом зде не писахом, в задняя впишемь: по Антиохийским събором, аломпиадам – Грьцкими же числьницами, Римскы же высикостом, якоже Евъсевии и Памфилово и инии гронографи списаша от Адама до Христоса»¹⁹.

Проблема воздействия на *ЛвМ* всемирно-исторических сочинений в целом получала освещение только в связи с поисками его конкретных источников²⁰. При этом не было предпринято попыток объяснения ориентации книжника на традиции хронографии как в связи с жанром самой *ЛвМ*, так и в более широком историко-литературном контексте.

В качестве основного источника знания автора о системах хронологии был указан (в работах А. Н. Попова, А. С. Орлова, О. В. Творогова) только русский перевод «Хроники» Иоанна Малалы, который мог быть известен ему либо в отдельном виде, либо в компиляции типа «Иудейского хронографа».

¹⁹ The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles. The Ostroz'kyj (Хлебников) and Cetvertyns'kyj (Pogodin) Codices. Cambridge, Massachusetts, 1990. P. 347. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. 8). Здесь и далее *Хл* цитируется по этому изданию.

²⁰ Вопрос об источниках знания автора *ЛвМ* о восточных, греческой и римской системах летосчисления и Евсевии Кесарийском был поставлен А. С. Орловым – Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 108.

Из анализа отсылок «Хроники» к Евсевию, становится очевидно, что она не могла быть главным источником познаний автора в хронографии. В сочинении Малалы Евсевий предстает скорее богословом-экзегетом, устанавливающим сроки мировой истории на основе типологических параллелей. Кроме того, в XVIII книге «Хроники» Иоанн Малала прямо заявляет, что расчёт лет от Сотворения мира до Рождества Христова, сделанный александрийцами Феофилом, Тимофеем и Климентом, более точен, чем исчисления Евсевия²¹.

Фрагменты переводов сочинений Евсевия Кесарийского появляются уже в самых ранних памятниках восточнославянской книжности. Мы предполагаем знакомство автора с надписанными именем Евсевия статьями в составе списка Изборника 1073 г., отождествленного А. С. Орловым с упомянутым в *ЛвМ* «сборником» Василька Романовича. Оглавление этой рукописи сохранилось в Архивском сборнике второй половины XV в.²², в протограф которого он мог входить. Именно в одной из статей сборника, восходящей к «Хронике» Евсевия²³, описаны различия хронологических систем Востока и Запада, упоминаются юлианский календарь и високосты.

С другой стороны, для наших целей важно не столько выяснение источников познаний автора *ЛвМ*, сколько интерпретация его заявления как своеобразного «литературного жеста». Его осведомлённость в хронографии предполагает гораздо более сильное её воздействие на жанровые особенности *ЛвМ* и подразумевает определённую литературную позицию.

Так, автор ссылается на «хронографов», обосновывая свое право «писать все и вся бывшая». Упоминание Евсевия наряду с перечислением восточных и западных традиций летоисчисления (вернее, временных интервалов, используемых в разных системах, – олимпиад и циклов високосных лет)²⁴, а также отказ от погодной сетки позволяет предположить его

²¹ «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. / Репр. изд. материалов В. М. Истрина, подгот. М. И. Чернышевой. М., 1994. С. 358.

²² РГАДА, ф. 181, МГАМИД, 279/658. Публикацию оглавления сборника см.: Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219). М., 1851. С. DLXXXII.

²³ «Εὐσεβίου ἐκ τῶν Χρονικῶν», в русском переводе – «Евсевиево от летных» (Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. Л. 247 об. – 249 об.).

²⁴ Перечисление в одном ряду «високостов» и олимпиад позволяет предположить, что автор был знаком с другой версией «Хроники», отличной от известной на Западе редакции блаженного Иеронима. Так, в армянском переводе «Хроники»

знакомство с устройством оригинальной «Хроники» Евсевия Памфила. Это сочинение, созданное в начале IV в., состоит из повествовательной части (Χρονογραφία) и хронологического указателя (Χρονική κανόνες). Представление о типах исторического повествования, основоположником которых в традиции хронографии считается Евсевий, – «хронике» и «истории» – послужило авторитетным обоснованием для выбора формата, столь отличного от летописных традиций.

В *Главе 3 «Летопись волынских Мономаховичей как авторское литературное произведение. К проблеме жанра»* решаются вопросы выявления авторской телеологии *ЛвМ*. Подчеркиваются её расхождения с целями книжника, соединившего *ЛвМ* с Киевским сводом в протооригинале *Ип-Хл*. Обосновывается выбор редакции *ЛвМ* по *Хл*, близость которой к архетипу ранее лишь констатировалась²⁵, в целях изучения памятника в предлагаемых аспектах. Привлечение *Хл* позволяет описать *ЛвМ* как повествование меморатного типа, объяснить особенности её временной структуры. Для установления контекстных связей внутри общего оригинала *Ип* и *Хл* и освещения вопросов его бытования привлекаются кодикологические особенности *Хл*. На основе наблюдений над временной структурой *ЛвМ* вносятся уточнения в её авторскую атрибуцию.

В разделе *3.1. «Летопись волынских Мономаховичей в южнорусском летописном своде конца XIII в.: уровни обработки текста»* освещён вопрос границ *ЛвМ*: имеем ли мы дело с её механическим соединением с Киевским сводом, либо со сложной компиляцией?

Распространено мнение, что галицко-волынский источник *Ип-Хл* утрачен в своде со значительными утратами²⁶. В его основе лежит уверенность в существовании единого свода, содержавшего галицко-волынские известия XII–XIII вв.

Характер изложения известий Киевского свода о волынских Мономаховичах и, в первую очередь, о Романе Мстиславиче не даёт оснований

годы олимпиад прямо синхронизированы с високосными годами юлианского календаря (*Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. СПб., 1907. Т. 1. С. 148).

²⁵ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 103; *Грушевский М. С.* Історія української літератури. Київ, 1993. Т. 3. С. 133; *Орлов А. С.* О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 31–32.

²⁶ Мнение об утрате его начальной части распространено как в литературе XIX в., так и в современных работах (*Котляр Н. Ф.* Галицко-волынская летопись... С. 135).

для допущения вмешательства местного книжника в текст Киевского свода²⁷. При соединении двух компонентов не было предпринято никаких попыток смягчения недружественных отзывов игумена Моисея (либо его источников) о делах Романа. Наиболее ярко эта тенденция сказалась в изложении истории отношений князя с Рюриком Ростиславичем, Всеволодом Большое Гнездо и Ольговичами в последних десятилетиях XII в.

Примечателен в этом плане обширный рассказ о развернувшейся в 1189 г. борьбе за наследство Ярослава Осмомысла, имеющий принципиальное значение с точки зрения прав наследников Романа на Галицкий стол. И в Киевском своде здесь обнаруживаются показательные разночтения с известием Густынской летописи, где подчеркнуты именно права Романа на княжение в Галиче²⁸.

Наконец, среди известий Свода Моисея без каких-либо поправок в пользу Романовичей оставлен также весьма выразительный эпизод, напрямую затрагивающий порядок наследования уже даже не галицкого, а их вотчинного стола – владими́ро-волы́нского: в статье 1188 г. помещено «завещание» Романа Мстиславича в форме прямой речи. Князь, приглашенный боярами в Галич, отказывается от своей вотчины в пользу младшего брата – Всеволода (Ип., 661). Автора *ЛвМ*, очень внимательного к наследованию вотчин сыновьями Романа²⁹ или фактам их передачи другим князьям, едва ли могла удовлетворить такая тенденция Киевского свода.

Завершение *ЛвМ* мы предполагаем в известии о вокняжении Мстислава Даниловича на Волыни. Здесь автор охарактеризовал нового князя как достойного преемника Владимира Васильковича, дословно повторив в его адрес характеристику прежнего князя – «правдолюбием светясь к всеи братии своеи, и к бояром, и к простым людем»³⁰ – и упомянув о помощи Мстислава польскому союзнику Владимира – Кондрату Семовитовичу. Дальнейший рассказ о войне за краковский стол уже отразил тенденцию старшего сына Даниила – холмского и галицкого князя Льва.

Итак, детали повествования Свода Моисея доказывают механический характер соединения «киевской» и «волынской» частей в протоори-

²⁷ Предположения о волы́нском влиянии на Киевский свод см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 204–205; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 17–18.

²⁸ ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003. С. 103.

²⁹ Так, о наследовании Даниилом волостей Мстислава Немого в тексте упомянуто дважды. Иногда время владения теми или иными городами кем-либо из родственников Романовичей используется автором для хронологизации событий.

³⁰ *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles*. P. 386.

гинале *Ин-Хл*. Это произошло не ранее второй половины XIII в.³¹, после утверждения Романовичей в своих уделах и не повлекло за собой целенаправленной редакции Киевского свода. Составитель протографа *Ин-Хл*, которым считается волынский книжник³², оставил без изменений даже те эпизоды, где затронуты важнейшие для летописного свода факты. Что касается позднейших этапов обработки текста, то ряд деталей рассказа, а также особенности передачи текста в *Ин* и *Хл* указывают на пополнение свода только после смены власти на Волыни в самом конце XIII в.

В разделе 3.2. «*К вопросу реконструкции формата и состава протографа Летописи волыньских Мономаховичей. Хлебниковский список*» в ходе анализа кодикологических, текстологических и палеографических особенностей *Хл* устанавливается формат оригинала *Ин-Хл*.

Пересмотр выводов о формате оригинала обоих списков и его судьбе³³ оправдан большим вниманием исследователей к печатному изданию *Ин* в ПСРЛ³⁴, а не к самим рукописям. Кроме того, выводы о его малом формате (А. Н. Насонов) или о наличии в нём миниатюр (А. П. Толочко) – взаимно исключают друг друга.

Установить объём утрат в *Ин* и причины перемещения текста в *Хл* помогает расчёт числа строк на листе их оригинала. Выработанный почерк *Хл* является в этом более надежной опорой, чем строки издания ПСРЛ. Кроме того, очевидно, что переписчик *Хл* не пытался восстановить последовательность рассказа, а передавал уже нарушенный порядок листов оригинала. Устанавливаемое при сравнении двух списков соответствие объёмов текста, утраченного в *Ин* и перемещенного в *Хл*, позволило определить число строк на листе их протографа и составить представление о нарушениях тетрадной структуры рукописи.

Ключевым для определения объёма текста на листе оригинала *Ин-Хл* может считаться фрагмент, начинающийся строками «и зрениа сладкаго

³¹ Перечень князей, «княживших в Киеве до избитья Батыева», перед началом ПВЛ не может принадлежать автору *ЛвМ*. В нём отсутствуют имена князей, упоминаемых в тексте *ЛвМ* (Всеволод Чермной, Михаил Всеволодович Черниговский, Ростислав Мстиславич Смоленский).

³² *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 99.

³³ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 229; *Толочко А. П.* Как выглядел оригинал Галицко-Волынской летописи? // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы.* 2006. СПб., 2006. С. 175–183.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

лице его насыщаая...», который в *Хл* помещен на обороте 380 л.³⁵ и прерывает стоящий не на своем месте крупный фрагмент на лл. 379–380 об. В *Ип* этот текст отсутствует совсем. Отрывок представляет собой почти дословную цитату из «Слова о Законе и Благодати», поэтому легко определяется его верное расположение. Он должен был следовать за словами «благаа же уготова Богъ любящим Отца и Сына и Святаго Духа...» (предпоследние строки на 379 л.) и завершать панегирик Владимиру Васильковичу (378–379 лл.). Объем текста на листе оригинала *Ип-Хл* устанавливается по границам этого фрагмента, насчитывающего 22 строки, что, скорее всего, соответствует объему текста на обеих сторонах листа оригинала обоих списков. Следовательно, объем других перемещённых фрагментов в *Хл* должен быть кратным 22 строкам рукописи, что подтверждается дальнейшими наблюдениями.

Другой утраченный в *Ип* фрагмент, начинающийся словами «Князь же Володимеръ въ княженни своем многы города зруби...» (381–382 лл.), насчитывает уже 66 строк, что точно соответствует трём листам в протографе. Так устанавливается объём утраты в *Ип*: эти три листа первоначально входили в одну тетрадь вместе с рассмотренным выше фрагментом. Действительно, последний лист восстанавливаемой тетради заканчивается фразой «*тутю же положим конецъ Вьлодимерову княжению*» (382 л.), что могло бы выступать закономерным завершением всех сюжетов, связанных с последними днями жизни и погребением Владимира Васильковича. Общее количество листов в тетради протографа установить с высокой точностью затруднительно, но можно отметить, что ко времени переписывания *Ип* были утрачены ровно четыре листа рукописи оригинала.

Последовательность изложения довольно легко позволяет установить и объём текста, содержащего начало рассказа об измене берестейских бояр Мстиславу Даниловичу. Данный отрывок, судя по всему, верно размещен в *Ип*, но оказался передвинут при переписке *Хл* назад. Фрагмент начинается словами «*Володимеру же вложена в гробъ...*» и завершается строкой «*...и повеле письцю своему писати грамоту*» (от двух последних строк на 382 л. до первых пяти строк на 384 л.). Общий объём отрывка составляет 88 строк, что эквивалентно ровно четырём листам протографа.

Правильность расчётов подтверждается и расположением фрагментов книги Есфирь (II. 1–20 и IX. 2–17) на последних листах *Хл*. От начала первого отрывка до сбой насчитывается почти 66 строк, т. е. ровно три

³⁵ Здесь и далее указываются номера листов рукописи *Хл*.

листа оригинала. Судя по кодикологическим особенностям *Хл*, текст этой книги, видимо, в большем объёме, изначально входил в состав оригинала обоих списков ³⁶.

Таким образом, особенности самой рукописи *Хл* заслуживают первоочередного внимания при установлении формата оригинала *Ин* и *Хл*. Их анализ также проясняет историю его бытования в конце XIII в.: после смены власти на Волини рукопись подверглась частичной переброшпоровке и была дополнена известиями о Льве Даниловиче. Однако вмешательство позднейшего книжника, вероятно, близкого к семейству старшего на тот момент среди волинских Мономаховичей Льва Даниловича (либо его сына Юрия), не отразилось в систематической редакции всего свода.

В разделе 3.3. «*Летопись волинских Мономаховичей как авторское историческое повествование меморатного типа*» на основе текстологических данных *Хл* получают объяснение особенности *ЛвМ* как авторского текста (временная структура, приметы авторской телеологии в расположении эпизодов и т. д.).

Разночтения между двумя списками отразили отличия авторской телеологии *ЛвМ* по *Хл* и целей редактора *Ин*, стремившегося представить «киевский» и «волинский» компоненты в виде последовательной истории великих княжений ³⁷. Для этого в *Ин* были внесены киноарные заголовки, подчёркнут великокняжеский титул младших волинских князей (Ип., 914; 928) и т. п.

В разделе также освещаются спорные вопросы атрибуции *ЛвМ*. Исследователи её литературных источников (Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, Д. С. Лихачев, А. Н. Ужанков) среди их авторов называли духовных лиц: «премудрого книжника» Тимофея, епископов Иоанна, Евсегения и Марка. Согласно самой разработанной версии к составлению *ЛвМ* был причастен крупный церковный писатель XIII в. – Киевский митрополит Кирилл II (1242–1281 гг.), либо связанные с ним книжники.

В творчестве окружения Кирилла (Серапион Владимирский, летописцы Новгорода и Северо-Восточной Руси второй половины XIII в.) от-

³⁶ Доказательства раннего характера отрывков из Есфири в *Хл* см.: *Подопригора В. В.* Фрагменты книги Есфирь в составе Хлебниковского списка южнорусского летописного сборника конца XIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 9. С. 184–192.

³⁷ Именно в таком качестве *Ин* воспринимался в позднее время, на что указывает запись XVII в. на обороте первого листа рукописи: «Книга Ипатцкого монастыря Летописець о княженши» (*Шахматов А. А.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. VI).

разилась трактовка событий татарского нашествия и других постигших Русь бедствий как «казней Божиих», призванных обратить паству к покаянию и исправлению. В этом контексте нами проанализирована позиция автора *ЛвМ*³⁸. Выявлению авторской телеологии *ЛвМ* способствует сопоставление одного из её надежно установленных источников – Повести о Калкской битве с её другими древнейшими версиями³⁹.

В экспозиции Повести в редакции *ЛвМ* татары характеризуются лишь как «безбожные Измаилтяне», тогда как *Н I* и *Лавр* сохраняют эсхатологическое введение, цитирующее «Откровение» Мефодия Патарского и отражённое в основных общерусских сводах. Вероятно, это предисловие было исключено самим автором *ЛвМ*, когда уже не было необходимости богословского истолкования событий.

В отличие от прочих древнейших версий Повести только редакция *ЛвМ* отразила дружественную тенденцию в отношении младших князей, среди которых был и Даниил Романович⁴⁰. К самому поражению на Калке, согласно её изложению, привели разногласия «старейшин» (Мстислава Романовича, Мстислава Святославича и Мстислава Мстиславича), которым автор противопоставил мужество Даниила, Олега Курского и других «младых» во время сражения.

Изложение в трагическом тоне получают лишь единичные эпизоды: поход Бурандая на Польшу и взятие татарами Сандомира. Только в нескольких случаях описанные события становятся для автора поводом для достаточно общих благочестивых рассуждений.

Отличие позиции автора сказалось и в обращении к библейским цитатам. Рассказывая о княжении Владимира Васильковича, автор представляет его богоизбранным князем, для чего использует, помимо цитат из «Слова о Законе и Благодати», христологические, иногда даже «месси-

³⁸ Эта тенденция Галицко-волинской редакции Цикла повестей о нашествии Батгя была охарактеризована А. Ю. Бородихиным: она «не содержит подобно другим ранним циклам развернутых объяснений всеобщей беды в духе религиозной дидактики, обращений к читателю-современнику с призывом к покаянию» (*Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батгя в летописных и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв.: дисс. <...> канд. филол. наук. Новосибирск, 1989. С. 156–157).

³⁹ Древнейшие редакции Повести – Ипатьевская, Лаврентьевская (*Лавр*) и Новгородская (*Н I*) – установлены Дж. Феннеллом – *Fennell J.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte.* 1980. Bd. 27. P. 18–31.

⁴⁰ Ни *Н I*, ни *Лавр* вообще не сообщают подробностей об участии младших князей как в съезде в Киеве перед битвой, так и в самом сражении.

анские» реминисценции. Характерным примером является эпизод основания Каменца, где прочитываются отсылки к Евангелию (Лк. 4).

Позиция автора *ЛвМ* – духовного лица и современника Кирилла и Серапиона Владимирского – расходится с идеями и приёмами литературного оформления повествования в духе «теории казней Божиих». Причём это особенно заметно в тех частях *ЛвМ*, которые традиционно атрибутируются митрополиту Кириллу либо его окружению.

В основе авторской телеологии *ЛвМ*, определяющей тематику эпизодов и характеристики персонажей, лежит стремление изобразить общность биографии двух сыновей Романа Мстиславича: «братолюбия» как Даниила и Василька Романовичей, так и их потомков (Владимира и Мстислава). Исторический материал подаётся с акцентированием общей судьбы обоих братьев Романовичей, что не всегда можно объяснить с традиционных позиций, т. е. как результат поздней обработки «галицкого» источника «волынским» книжником. В ряде военных и политических сюжетов усилена роль младшего брата – Василька Романовича (или его бояр и дружины)⁴¹. Несмотря на устоявшуюся традицию выделения «Летописца Даниила Галицкого» в составе *ЛвМ*, сам автор явно не стремился к обособлению истории его княжения.

Как показывают наблюдения над расположением эпизодов, которые могут восходить к самостоятельным источникам, автор *ЛвМ* обращался с доступными материалами свободно и творчески, ему вовсе не было свойственно простое компилирование источников. Своему повествованию он старался придать внутреннюю (как сюжетную, так и хронологическую) связность. Характерные примеры этого – способы включения в повествование явно восходящих к отдельному источнику известий о войнах с ятвягами и литовцами.

Уточнению атрибуции *ЛвМ* способствует анализ сохраненной в *Хл* временной структуры. Автор *ЛвМ* имел свою точку зрения на события первой половины XIII в. («лета Даниила и Василька Романович»). Для связи эпизодов здесь используются формулы «в та же лета», «долгу времени минувши», «бысть по сих», указывающие на дистанцию между событиями и моментом работы автора.

В изложении последнего семилетия княжения Владимира Васильковича появляются указания на число прошедших между эпизодами недель

⁴¹ Так, именно Василько Романович срывает заговор бояр против Даниила, убеждает своего старшего брата выдать Льва Даниловича за дочь венгерского короля, спасает укрепления Холма от разрушения татарами и т. д.

или даже дней: «объективное» время уступает здесь место «времени очевидца» с почти дневниковой фиксацией событий.

Автор входил в близкое окружение волынского князя Владимира Васильковича, был свидетелем обмена посольствами, частных разговоров, а также болезни князя, длившейся четыре года, на что указывает «уплотнение» временной структуры. Возможным автором мы предлагаем считать «печерского игумена» Агапита. Его упоминание в числе прочих не названных по именам присутствовавших на отпевании Владимира игуменов и клириков, сохраненное также в Густынской летописи и «Хронике» Феодосия Софоновича⁴², свидетельствует о его значительной роли при волынском князе.

В позднейших источниках имеются известия о покровительстве Романа Мстиславича Киево-Печерской лавре⁴³, однако игумен Агапит, скорее всего, был настоятелем другого монастыря, также известного как «Печерский», – Зимненского Святогорского монастыря на Волыни⁴⁴.

Характер временной структуры *ЛвМ* и свободное отношение к сведениям источников позволяет описать её как повествование меморатного типа⁴⁵. Появление меморатов в литературе, как правило, связывается с процессами демократизации, проникновением «обыденного историзма» в летописание. Однако ориентация автора *ЛвМ* на обыденное восприятие времени и устный рассказ от первого лица⁴⁶ имела под собой определенную литературную позицию, связанную с традициями хронографии.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, рассматривающего *ЛвМ* как целостное повествование, облик которого определен авторской телеологией. В основу исследования положена именно редакция списка

⁴² ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003. Т. 40. С. 127; *Софонович Феодосій*. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 165.

⁴³ *Каманин И. М.* Судьба грамоты кн. Романа Галицкого // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1906. Кн. 19, вып. 1–4. С. 78–79.

⁴⁴ Краткие сведения о монастырях Волынской епархии в настоящее время несуществующих // Волынские епархиальные ведомости. 1867. 1 октября, № 3. С. 50.

⁴⁵ Термин «меморат» как особый тип обработки официального источника был использован Е. И. Дергачевой-Скоп в жанровой типологии сибирского летописания. «Мемораты, как правило, не меняют текста источника (своего нового контекста), подвергаемого обработке, но за счёт “припоминаний” дополняют и “поправляют” его» (*Дергачева-Скоп Е. И.* Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2000. Т. 1, вып. 1. С. 9).

⁴⁶ Интонация ведущегося от первого лица рассказа поддерживается авторскими ремарками – «рекохом», «писахом», «древле писахом», «переди списахом».

Хл, сохранившая как оригинальную структуру текста в целом, так и ряд исправных и восходящих к протооригиналу чтений, во многих случаях проясняющих интенции автора.

Автор основательно владеет традиционными приёмами (летописные топосы, концепции византийской хронографии и пр.), которые в его интерпретации исторической памяти становятся сугубо индивидуальными. С одной стороны, он обращается к традиционным повествовательным форматам (легендарно-эпические, панегирические). С другой – строит повествование на меморатной, «воспоминательной» основе, вводя в него интонацию устного, произносимого рассказа и опираясь на «обыденное» восприятие времени.

Изучение памятника в предложенном аспекте позволило впервые сформулировать проблемы авторского осмысления жанра сложного исторического сочинения. Позиция автора была ориентирована на Евсевия Кесарийского – основателя классической хронографии, положившего начало жанрам «хроники» и «истории». Несомненное знание автором «Хроники» Евсевия («Хронографу же ноужа есть писати все и вся бывшаа. <...> число же летом зде не писахом, в задняя впишем») могло определить и саму композицию *ЛвМ*: повествовательная часть и хронологическая таблица⁴⁷.

Будучи духовным лицом и современником татарского нашествия, автор *ЛвМ* не развил в своем повествовании тенденции учительной и исторической литературы эпохи. Это особенно важно в плане атрибуции памятника, поскольку автором его большей части традиционно считается либо сам митрополит Кирилл II, активно обращавшийся к цитированию эсхатологической литературы, либо книжник из его окружения. Выразительные отличия *ЛвМ* в осмыслении событий татарского пленения позволяют говорить о независимой позиции её автора.

Анализ временной структуры повествования, сохраненной в *Хл*, позволил установить авторскую точку зрения на события и время его работы. В диссертации предложена новая версия о личности автора *ЛвМ*. Мы идентифицируем его с упоминаемым в тексте игуменом Агапитом, тезоименитым киево-печерскому «безмездному врачувателю». Ряд деталей повествования позволяет предположить, что Агапит был врачом при Владимире Васильковиче и настоятелем одного из древнейших монастырей на Руси – Зимненского Печерского монастыря на Волыни.

⁴⁷ К сожалению, окончание *ЛвМ* как в *Ип*, так и в *Хл* отразило уже дефектное состояние их общего протографа.

Интересным представляется дальнейший анализ чтений *Хл* во всех его отличиях от *Ин*, предполагающий и обращение к их кодикологическим особенностям. Другим важным направлением (объединяющим проблемы историко-литературного, книговедческого, палеографического и текстологического характера) может стать изучение книжных центров Волынской земли, в частности волынского Зимненского монастыря, который поддерживал длительные связи с Киево-Печерской лаврой и мог сыграть определённую роль в трансляции культурного и книжного наследия Киевской Руси.

Данное исследование может позволить наметить подходы к изучению и научному осмыслению того особого типа литературы, к которому мы отнесли *ЛвМ* и который фрагментарно сохранился в литературе XIII в. В этом ряду можно указать комплекс сочинений, связанных с семейством Всеволода Большое Гнездо, к которому может восходить, в частности, «Слово о погибели Русской земли». Методы анализа повествований подобного типа могут способствовать выявлению их контекстных связей, постановке вопросов жанровой специфики и авторства, что может дать основания для уточнения некоторых аспектов динамической истории русского летописания.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ

1. *Подопригора В. В.* О презентации образа Романа Мстиславича в Галицко-Волынской летописи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012 – Т. 11, вып. 12. – С. 163–167. – 0,6 п. л.
2. *Подопригора В. В.* Топика исторического повествования Летописи Волынских Мономаховичей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 9. – С. 132–141. – 1,2 п. л.
3. *Подопригора В. В.* Летопись Волынских Мономаховичей как авторский текст // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 2. – С. 126–133. – 1 п. л.
4. *Подопригора В. В.* К проблеме интерпретации литературной декларации в Летописи Волынских Мономаховичей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 9. – С. 133–139. – 0,8 п. л.

5. *Подопригора В. В.* Фрагменты книги Есфирь в составе Хлебниковского списка южнорусского летописного сборника конца XIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, вып. 9. – С. 184–192. – 1,2 п. л.

Научные публикации в других изданиях

6. *Подопригора В. В.* Галицко-Волынское повествование в Ипатьевской летописи: к проблеме типологии жанра // Материалы 49-й МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2011. – С. 3–5. – 0,2 п. л.

7. *Подопригора В. В.* К проблеме выявления топической структуры Галицко-Волынской летописи // Материалы 50-й юбилейной МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2012. – С. 8–9. – 0,1 п. л.

8. *Подопригора В. В.* Жанровая структура и топосы исторического повествования Летописи Волынских Мономаховичей // Материалы 51-й МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2013. – С. 5–6. – 0,1 п. л.

9. *Подопригора В. В.* К проблеме авторства Летописи Волынских Мономаховичей // Материалы 52-й МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2014. – С. 5–7. – 0,1 п. л.

10. *Подопригора В. В.* Значение Хлебниковского списка для установления формата протографа южнорусского летописного сборника конца XIII в. // Материалы 54-й МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 2016. – С. 9–10. – 0,1 п. л.